

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАПАДНЫХ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА И ГРАЖДАНСКОЙ СФЕРЫ

Автор: Е. В. МАСЛОВСКАЯ

МАСЛОВСКАЯ Елена Витальевна - доктор философских наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Аннотация. Раскрыта эволюция идей социологии права; подчеркивается значение теории Парсонса в создании этой социологической дисциплины. Концепция гражданской сферы Дж. Александра анализируется в контексте эволюции западной социологии права; выявлены ее теоретические сложности и противоречия. Анализируется трактовка правовых норм как культурно обусловленных в современных социологе - правовых концепциях Ю. Хабермаса, Н. Лумана, П. Бурдьё.

Ключевые слова: социология права, неофункционализм, культурсоциология, гражданская сфера, социальные движения, правовая система, Дж. Александер, Т. Парсонс, Ю. Хабермас, Н. Луман, П. Бурдьё.

В конце XIX - начале XX в. в европейской социальной науке наблюдалось параллельное развитие социологии права и социологической юриспруденции. В США формированию социологии права предшествовало распространение социологической юриспруденции, которая была частью правоведения. Основными препятствиями для развития социологии права в Америке можно назвать особенности правовой системы и практик профессионального юридического обучения, а также эмпирическую направленность ранней американской социологии. Кроме того, у американской социологии права не было собственной классической традиции. В качестве теоретических источников долгое время использовались идеи К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера [1, р. 103].

Развитие социологической юриспруденции в США связано прежде всего с процессами профессионализации права, и не являлось частью социологической науки. И все же оно повлияло на социолого-правовые исследования. Кроме того, вовлеченность правоведения в изучение социальных аспектов права привела к тому, что до возвышения структурного функционализма труды Л. Петражицкого, Н. Тимашева, Ж. Гурвича и даже социология права М. Вебера обсуждались известными правоведами, такими, как Р. Паунд, в *большей* степени, чем американскими социологами [2, с. 227]. Значительной части американских социологов изучение права казалось "маргинальной или, по крайней мере, эзотерической сферой исследований" [1, р. 109.]. Не случайно секция социологии права в Американской социологической ассоциации была образована лишь в 1993 г. [3, р. 3.].

В настоящее время в работах зарубежных исследователей подчеркивается ключевая роль системной теории Т. Парсонса в формировании современной социологии права [см. 4; 3, р. 108 - 112]. В его трудах сформулирован новый подход в социоло-

гии права, отличный от социологической юриспруденции. Интерес Парсонса к правовой сфере подготовил его к общению в 1930-е гг. с Р. Паундом - основоположником социологической юриспруденции, а позже, в 1960-е гг., с известным американским правоведом Л. Фуллером¹ [см. 4]. Однако определяющее теоретическое влияние на социально-правовые идеи Парсонса оказали классические теории европейской социологии права. В рамках функционалистской теории он осуществил синтез дюркгеймовской и веберовской традиций в социологии права. Американский социолог опирался на идеи Дюркгейма, анализируя процессы социальной дифференциации. У Вебера Парсонс заимствует прежде всего идею рационализации права и рассматривает правовую систему как ключевой компонент социетального сообщества, обеспечивающий интеграцию социальной системы.

В дальнейшем некоторые ученые применяли теорию функционализма в исследованиях правовой сферы. Среди его представителей выделяют Г. Бредемейера, Л. Мейхью, У. Эвана [5, р. 59 - 63, 89 - 93]. Их работы посвящены главным образом анализу права как механизма социального контроля, а также взаимодействия права с другими подсистемами общества. Они обращали *большее* внимание на возникающие в ходе такого взаимодействия конфликты и противоречия, чем это было свойственно Парсонсу. Они также предпринимали попытки эмпирической проверки тех или иных теоретических постулатов функционализма.

В сфере социолого-правовых исследований функционалистский подход был не столь широко распространен, как в большинстве других направлений американской социологии 1960-х гг. В социологии права функционалистская школа окончательно сложилась в годы, когда популярность общей теории функционализма неуклонно уменьшалась. Тем не менее, идеи Парсонса оказали непосредственное влияние на последователей его теории. Она широко обсуждалась и представителями других теоретических направлений, разрабатывавшими собственные альтернативные функционалистскому подходы. Критика функционализма звучала с позиций различных теоретических направлений: неомарксизма, теории конфликта, микросоциологических подходов. Однако социология права Парсонса не часто становилась отдельным объектом для критики.

Как отмечают Дж. Коэн и Э. Арато, исследованный Парсонсом процесс "провозглашения социетальным сообществом собственной независимости от государства, не находит параллели в отношении социетального сообщества к новому типу рыночной экономики" [6, с. 183]. Опираясь на анализ взаимодействия системы и жизненного мира в трудах Ю. Хабермаса, Коэн и Арато критикуют Парсонса за неспособность учесть характерную для современного государства и капиталистической экономики "тенденцию к дедифференциации, т.е. к поглощению других социальных сфер" [6, с. 186]. Вместе с тем исследователи признают, что "апологетические" элементы его теории переплетаются с "истинными прозрениями" относительно роли гражданского общества в современную эпоху и то, что предложенная Парсонсом реконструкция понятия гражданского общества "не является тупиковой и способна к дальнейшему развитию" [6, с. 200]. Одним из вариантов развития его идей можно считать концепцию гражданской сферы Дж. Александра.

В 1970-е гг. после распада "ортодоксального консенсуса" вокруг теории Парсонса социология права частично утрачивает свои позиции. Основная проблема - постоянная конкуренция социологии права и сугубо юридическими подходами к изучению правовой сферы, и с междисциплинарными "социально-правовыми исследованиями", развивавшимися в рамках социологической юриспруденции. Успешное развитие еще одного конкурирующего направления в изучении правовой сферы способствовало

¹ Л. Фуллер - один из немногих американских философов права, который отводил социологии роль науки, обладающей наилучшими возможностями для изучения права как социального института. Он не только совместно с Парсонсом провел в конце 1960-х гг. ряд семинаров для аспирантов по теме "Право и социология" [4, р. 1 - 2], но и разделял позицию Парсонса, направленную на привнесение социологии в правоведение, а не наоборот.

тому, что многие социологи права стремились выйти за пределы социологической науки.

В 1980-е годы в американской социологии возрождается интерес к теории Парсонса и формируется неофункционализм как новое теоретическое направление. Но в социологии права это направление практически не представлено. Как указывают Дж. Александер и П. Коломи, последователи американской версии неофункционализма обращались прежде всего к проблемам социальных изменений, социологии культуры, политической социологии, массовой коммуникации, социологии профессий и экономической социологии [7, с. 119]. В середине 1980-х гг. Дж. Александер одновременно продолжает развивать неофункционализм и проявляет все больший интерес к созданию "сильной программы" культуросоциологии (cultural sociology) [8, p. 526].

В 1990-е гг. Александер нередко говорит о недостаточности неофункционалистского подхода и необходимости выйти за его пределы, поскольку основная цель неофункционализма - реабилитация и реконструкция теории Парсонса [9, с. 205] - достигнута. В этот период он публикует работы по проблемам культуросоциологии [8, p. 526] и разрабатывает новую версию критической социальной теории [10, p. 371]. В первой половине 1990-х гг. Александер, оставаясь в рамках социокультурных исследований, под влиянием реанимировавшихся дискуссий о гражданском обществе в связи с "бархатными" революциями в Восточной Европе, все в большей степени стремится к созданию культуроориентированной концепции гражданской сферы. Заявив о прекращении попыток создавать неофункционалистскую теорию, он тем не менее демонстрирует свою укорененность в парсонсианской теоретической проблематике. Кроме того, в своих проектах Александер, подобно Парсонсу, фокусирует внимание на изучение американского общества. Учитывая, что анализ структуры социального сообщества представляет собой "самый важный вклад Парсонса в макросоциологию" [11, с. 244], Александер считает, что идеи Парсонса нуждаются в дальнейшем развитии. Определив в числе возможных источников их развития микросоциологические подходы, в том числе идеи И. Гофмана и этнометодологию [11, с. 248], Александер все же при создании концепции гражданской сферы опирается на иные теоретические ресурсы.

Особенность концепции гражданской сферы Александера - попытка черпать аргументацию и в нормативной философии и в социальной теории. Двойная референция уже сама по себе может рассматриваться как нормативный проект и, кроме того, порождает целый ряд сложностей и противоречий. Среди теоретических ресурсов концепции, относящихся к философии и социологической теории, он выделяет "постмарксистский, неокантианский демократический идеализм Хабермаса" [10, p. 371]. Александер обращается и к осуществленной Фуко критике просвещенческого рационализма. Однако в отличие от него американский социолог считает возможным разделение знания и власти, что создает условия для критического мышления и действий, направленных на достижение более справедливого общественного устройства. Таким образом, Александер артикулирует стремление к созданию новой теории современного общества, преодолевающей односторонность предыдущих концепций.

Характеризуя классические социологические теории, повлиявшие на его концепцию, он особо выделяет "почти всегда игнорировавшиеся демократические идеи Дюркгейма, Вебера и Парсонса" [10, p. 372], которые он дополняет восходящей к марксизму идеей противоречий в рамках гражданской сферы. В целом, социолог подчеркивает укорененность в социологической традиции и преодоление недостатков концепций классиков.

Александер определяет гражданскую сферу как "социальную сферу, которая организована вокруг особого типа солидарности, члены которой символически представлены в качестве независимых личностей, индивидуально ответственных за свои действия, но одновременно чувствующих себя связанными коллективными обязательствами по отношению к другим индивидам, образующим эту сферу" [12, p. 239]. Полемизуя с классическими и современными подходами к анализу гражданского

общества, он предлагает рассматривать солидарность как аналитически независимую социальную сферу. Другими словами, гражданская сфера - это генерализованная, абстрактная солидарность, артикулированная и проявляющаяся в специфических институтах и практиках, имеющих смысловую природу [см. 13].

Структура гражданской сферы определена американским социологом посредством выделения дискурсивных и институциональных рамок. В качестве первой для него выступает демократический дискурс, направленный на выявление того, что значит быть гражданином, каким должно быть демократическое общество, каковы характеристики его внешних и внутренних оппонентов. Основанием для разделения на членов гражданской сферы и аутсайдеров становится приверженность универсалистским ценностям. *Инаковость* аутсайдеров конструируется в терминах гражданской некомпетентности, а сама эксклюзия является орудием прояснения и укрепления доминирующего символического порядка, средством самозащиты гражданской сферы.

Тем самым, демократический дискурс характеризуется наличием бинарного кода, раскрытие особенностей которого демонстрирует сложности предпринятой Александером попытки двойной референции. Требования социальной теории и нормативного дискурса к возможности описания бинарного кода гражданского дискурса противоположны. Если аналитическая модель включает инклюзию и эксклюзию в качестве структурных элементов, то в нормативном дискурсе моральный статус эксклюзии уже по определению воспринимается как проблемный. Александер, по-видимому, отдает предпочтение требованиям нормативного дискурса. Институциональный уровень гражданской сферы включает, во-первых, пространство общественного мнения, во-вторых, институт выборов, политические партии и "новые социальные движения". При этом символические классификации, коды демократического дискурса обладают упорядочивающей силой по отношению к институализированному уровню гражданской сферы.

Основными способами воздействия общественного мнения как коммуникативной границы гражданской сферы на другие сферы становятся убеждение и своего рода "моральное увещание" [14, p. 151]. Эффективность выборов, деятельность политических партий, социальных движений как регулирующей границы гражданской сферы достигается прежде всего благодаря использованию права. Таким образом, гражданские критерии могут входить в контекст других социальных институтов в форме коммуникативных утверждений относительно норм или в форме кодифицированных законов [15, с. 9]. При этом Александер подчеркивает, что сохранение гражданской сферы требует постоянных коллективных усилий.

В своих работах американский социолог рассматривает гражданскую сферу в обществе, для которого характерна высокая степень социальной дифференциации. По-видимому, и в данном отношении он разделяет допущения сторонников концепции социальной дифференциации от Дюркгейма до Парсонса о взаимосвязи между структурной дифференциацией и гражданской эмансипацией [16, p. 569]. В рамках созданной Александером аналитической модели каждая из относительно автономных социальных сфер предположительно обладает собственным стандартом справедливости, комплексом ценностей и критериями членства. В условиях социально-культурной дифференциации и плюрализма между ними возможно соперничество [15, с. 4 - 5]. Асимметричный характер отношений между различными социальными сферами предполагает, по-видимому, способ установления предпочтительности того или иного стандарта справедливости. Приоритет гражданской сферы над другими социальными сферами обосновывается Александером с опорой на характерную для "сильной программы" культурсоциологии дихотомию: сакральное/профанное. Кроме того, выбор формирующегося в рамках гражданской сферы стандарта в качестве приоритетного, а самой гражданской сферы, как морально превосходящей другие, воплощающей в себе благую жизнь, предписывает и нормативный дискурс. Различение сакрального и профанного - также источник социального контроля в условиях асимметричности отношений между группами в рамках самой гражданской сферы.

Согласно Александру, в гражданской сфере получают воплощение принципы равенства и справедливости, тогда как в других сферах общественной жизни неизбежно возникают различные формы неравенства. В результате постоянно воспроизводится проблема поддержания границ гражданской сферы и противодействия влиянию экономических и политических структур. Вместе с тем одной из задач дискурса гражданской сферы выступает выявление легитимности и нелегитимности форм неравенства в других социальных сферах. При этом степень воздействия гражданской сферы на экономическую и политическую подсистемы общества во многом зависит от активности социальных движений, формирующих стратегии "гражданского ремонта" [15, с. 9 - 10], т.е. устранения проблем, связанных с неравным положением отдельных социальных групп. Подобно А. Турену [17], он считает, что в современном демократическом обществе новые социальные движения становятся "самоограничивающимися", так как стремятся не к прямому захвату государственной власти, а к защите индивида, межличностных отношений, меньшинств.

Как полагает Александр, социальные движения обладают возможностью трансформировать и расширять гражданскую сферу, но для этого они должны быть способны доказать в глазах общественного мнения, что отстаиваемые ими идеи соответствуют универсалистским ценностям гражданской сферы. Социальные движения могут инициировать изменения и в самой гражданской сфере. Однако для реального осуществления таких изменений необходимы определенные социальные институты, в числе которых Александр выделяет средства массовой информации, выборы, а также судебную систему. В данной связи американский социолог также обращается к проблематике социологии права.

Характеризуя наиболее влиятельные правовые теории, Александр отмечает, что в них обычно "выносили за скобки моральную и гражданскую роль права" [14, р. 157]. Такой подход отличает различные разновидности "правового формализма", к которому он относит, в частности, Г. Кельзена, а также представителей реализма в американском правоведении. В то же время Александр отвергает подход представителей "критических правовых исследований" [18, с. 40], в рамках которого право рассматривается как инструмент господства. С точки зрения Александра, для всех этих несходных между собой и нередко противостоящих друг другу традиций характерно игнорирование "культурного измерения демократического права, которое закреплено не только в формальных прецедентах и логике, инструментальной рациональности, прагматических переговорах или принуждении, но также в идеализированном видении мотивов, отношений и институтов гражданского общества" [14, р. 159]. Акцент на похожем понимании права Александр находит, к примеру, в работах Р. Дворкина.

Р. Дворкин - один из ведущих представителей современной американской философско-правовой мысли - стремился сформулировать новую концептуальную программу толкования или "отыскания" права, претендующую на снятие противоположности конвенционализма и прагматизма, опирающихся на выводы соответственно позитивизма и правового реализма. "Интегральная" программа Дворкина исходит из представления о "праве как целостности (law as integrity)", т.е. трактует право как продукт творчества последовательного и морально цельного индивида [19]. Согласно Дворкину, право состоит не только из норм, но и из директив, цель которых - общее благо, а также из принципов, служащих мотивами для принятия решений. При этом демократическое право предполагает не только наличие принципов, но и их органическое взаимодействие, а также единство принципов и действий.

Связывая право с политической моралью, Дворкин трактует историю права как последовательную реализацию принципов справедливости и разумности. Другими словами, фундаментальным элементом права становится верность универсальным принципам, на которых зиждется общество, а именно, принципам справедливости, добросовестности и надлежащей процедуры. Данный подход предполагает, что

в

демократическом обществе право рождается в процессе судебного толкования законов и прецедентов в контексте вложенных в них моральных идеалов. Отметим, что наиболее значительную роль правовые принципы играют при решении трудных судебных дел, так как именно на них опирается суд при создании новой нормы права. Поэтому в сложных правовых системах, например, в США или в Англии, право включает и нормы, и принципы, а правовые, моральные установки и стандарты тесно переплетены.

Согласно взглядам основоположника юридического позитивизма Дж. Остина, в сложных случаях судебной практики, при отсутствии подходящей нормы права судьи принимают решения на основе собственного дискреционного усмотрения. Однако модель Дж. Остина, на которой строилась правовая наука англоязычных стран XIX и XX вв., подвергнута сомнению, и современная юридическая наука сосредоточена на вопросе оправдания норм, а не их описания. Поставив в центр своей аргументации значение принципов и ценностей в оправдании принимаемых судом решений, Дворкин пытается восстановить мост между наукой о законодательстве, которой занимаются философы и политики, и собственно юриспруденцией. Тем самым, Дворкин стремится решить задачу, необходимость которой Остин отвергал. В результате Дворкин создает собственную методологическую модель принятия решений судьями и судами.

Подобно сторонникам естественного права, Р. Дворкин признает, что конечным источником обязанности граждан повиноваться праву служат моральные основания правовой системы. Но в отличие от них он считает, что такими основаниями служат не абстрактные идеальные стандарты, закрепленные доктринами социальной этики, а реальные конкретные принципы политической морали, сложившиеся в определенных условиях в данном обществе [19, р. 96 - 102]. При этом Р. Дворкин верит, что существует некая правильная политическая мораль, не всегда совпадающая с моральными представлениями в конкретном обществе.

Обоснованием интегральной программы толкования права стала концепция общества как "принципиальной целостности (principlal integrity)". Согласно этой концепции, члены общества убеждены, что процесс социального управления подчинен определенным универсальным принципам, хотя и включает в себя случайные политические компромиссы [19, р. 211]. В концепции Александра гражданская сфера оказывается воплощением принципиальной целостности Дворкина. Не судья или институт суда в целом, а автономная социальная сфера выступает субъектом конкретизации смысла закона или прецедента.

Александр подчеркивает культурную обусловленность правовых норм и их взаимосвязь с гражданскими ценностями, необходимость опоры правовых институтов на демократический дискурс гражданской сферы. Американский социолог разделяет точку зрения Хабермаса, согласно которой право предстает как "одна из важнейших форм символической репрезентации гражданской солидарности" [16, р. 565]. Но в концепции Александра правовые нормы полностью внедрены в бинарную логику гражданской сферы и поэтому право не только служит обоснованием социальной эксклюзии, но и может быть инструментом исправления прошлой эксклюзии. Правовые нормы интерпретируют действия и явления в соответствии с символическим кодом, переводя "произвольные качества в необходимые квалификации" [14, р. 6].

Александр признает, что предпринимаемые исключенными группами действия с целью изменить культуральные классификации, формально являются антигражданскими и должны преследоваться по закону [14, р. 190]. Только вследствие изменения общественного мнения и благодаря упорядочивающей силе демократического дискурса создаются условия для "гражданского ремонта". Локализуя право внутри гражданской солидарности, Александр и в данном аспекте обнаруживает сходство своей позиции с концепцией Дворкина. Александр признает, что в условиях современного секуляризованного и плюралистического общества право в значительной мере от-

делено от морали. Тем не менее он полагает, что концепция дифференцированной гражданской сферы позволяет выявить в том числе и моральные ограничения функционирования права.

Александр подчеркивает, что в той степени, в какой общество является демократическим, право защищает одновременно как индивидуальные, так и коллективные интересы. Право выступает как механизм, "формирующий универсалистскую солидарность и проясняющий ее применение в частных случаях" [14, p. 153]. Правовые механизмы позволяют осуществлять воздействие на различные социальные сферы, например, предотвращая насилие в семье или регулируя трудовые конфликты. Эффективность воздействия обусловлена основополагающей идентификацией участников конфликтов в качестве членов гражданской сферы. При этом степень вмешательства правовых институтов в конфликтные ситуации в значительной мере определяется тем, где в данный момент проходит граница между гражданской сферой и другими социальными сферами. С точки зрения Александра, "чем более дифференцированной и автономной является гражданская сфера, тем более проницаемой становится ее граница с другими сферами, деятельность которых подвергается правовому и гражданскому регулированию" [14, p. 161]. В результате возникают возможности для осуществления "гражданского ремонта", в том числе расширения прав ранее дискриминированных групп, о чем свидетельствует, в частности, принятый в США в 1964 г. Акт о гражданских правах, запретивший расовую сегрегацию и дискриминацию.

Согласно Александру, наиболее явным примером регулирования правом отношений гражданской сферы с другими социальными сферами становится конституция демократического государства. В демократическом обществе конституция должна способствовать укреплению гражданской солидарности [14, p. 164]. Как и во многих других случаях, Александр обращается к примеру американского общества. Он ссылается, в частности, на 5-ю поправку к конституции США, согласно которой никто не может быть лишен жизни, свободы или собственности кроме как в соответствии с законом. Эта поправка интерпретировалась таким образом, что решения подобного рода мог принимать только суд, а не органы исполнительной власти. Конституирующим условием подобной интерпретации, очевидно, является отсутствие инструментального использования судебной системы.

Опираясь на работы американского правоведа Л. Фуллера, Александр выделяет процедурные основания демократического правового порядка. Он отмечает, что в демократическом обществе законы должны характеризоваться общедоступностью, последовательностью, ясностью, не иметь обратной силы. Однако моральную претензию восьми принципов внутренней моральности права Фуллера Александр едва ли разделяет. Фуллер отстаивал взгляд на право как целеположенную деятельность, цель которой заключается в подчинении поведения людей руководству и контролю со стороны общих норм [20]. Таким образом, в праве моральные ценности общества преломляются процедурно в рамках регулятивной функции права. В целом общая концепция Фуллера близка к функционалистскому пониманию права как социального контроля. При этом Фуллер прежде всего обращал внимание на разработку предписаний о том, как сделать право более эффективным, оставаясь тем самым на позициях правоведения.

Согласно Фуллеру, право содержит внутреннее моральное ядро, дедуцируемое из самой природы правовой системы. В рамках логики теоретических рассуждений Александра моральный аспект права не должен ограничиваться лишь формой закона, должна быть принята во внимание субстанциональная сторона, выступающая внешней по отношению к форме. Для Александра источником внутренней моральности права становится определенный уровень гражданской солидарности. Кроме того, с точки зрения Александра, в условиях демократии право подлежит контролю со стороны гражданской сферы. Соотношение между правовыми нормами и социальными фактами "не является вопросом, который решается научными методами или про-

сто определяется государством. Лишь после того, как оно интерпретировано внутри гражданской сферы, право приобретает реальную силу" [14, p. 185].

Александр признает, что изображенный им образ права соответствует лишь реалиям развитого демократического общества. В иных социальных условиях попытки представителей правящей элиты использовать правовые институты в своих интересах носят систематический характер. На это неоднократно указывали сторонники направления "критических правовых исследований", подход которых, по мнению социолога, все же остается односторонним, по крайней мере, в отношении современного американского общества. Вместе с тем он отмечает, что и в американской истории принцип правления закона использовался для прикрытия экономической эксплуатации и расовой сегрегации. Основным примером в данном случае ему служит фактическое исключение чернокожего населения из политической жизни южных штатов США в период после гражданской войны, которое сопровождалось формальным соблюдением правовых процедур [14, p. 188].

Следует подчеркнуть, что концепция гражданской сферы опирается главным образом на анализ социальных процессов, происходящих в американском обществе, тогда как применимость идей Александра в ином социокультурном контексте вызывает сомнение. Концепция Александра предполагает значительную степень автономии гражданской сферы по отношению к экономическим и политическим институтам, но остается неясным, как обеспечить такую автономию. Созданная Александром типология взаимодействия различных, относительно независимых социальных сфер, отличается тем, что воздействие гражданской сферы на негражданские - всегда позитивно. Влияние извне гражданской сферы, как правило, характеризуется негативно, но в целом данная проблематика не концептуализирована Александром. Кроме того, гражданская сфера в изображении Александра предстает как в основном секуляризованная, что не вполне соответствует даже реалиям американского общества. Этот социолог не уделяет должного внимания и тому вызову, который бросает светским институтам и идеологиям гражданской сферы религиозный фундаментализм, прежде всего исламский [21, p. 182 - 183].

В одной из своих работ Александр обращается к исследованию гражданской сферы в условиях глобализации. Как указывает американский социолог, процессы глобализации не привели к возникновению какой-то принципиально новой социальной реальности. Основными акторами на международной арене по-прежнему остаются национальные государства, а международное право защищает прежде всего государственный суверенитет, а не права человека [22, p. 375]. Александр отмечает, что на глобальном уровне гражданское общество не обладает такими институтами, как независимый суд и выборы, которые на уровне отдельного государства "позволяют общественному мнению порождать гражданскую власть и тем самым упорядочивать власть государства" [22, p. 375]. Однако, с точки зрения Александра, мировое общественное мнение, представленное в средствах массовой информации, оказывает возрастающее влияние на политические институты. Тем самым сохраняются шансы на создание глобальной гражданской сферы. Вместе с тем, как отмечают критики концепции Александра, процессы глобализации сопровождаются выделением даже на уровне отдельных государств многочисленных этнических и религиозных анклавов, между которыми сохраняются глубокие культурные различия [21, p. 180].

Концепция гражданской сферы характеризовалась как важный вклад в современную социологию права [16, p. 565]. Однако, обращаясь к правовым аспектам функционирования гражданской сферы, Александр лишь в незначительной степени опирается на социологические теории права. Американский социолог ссылается главным образом на концепции представителей правоведения и философии права - О. Холмса, Х. Л. А. Харта, Р. Дворкина, Л. Фуллера. Парадоксально, что в данном случае Александр не использует в полной мере теоретический потенциал классической и современной социологии права.

Позиция американского социолога во многом пересекается и с подходом Ю. Хабермаса. Социально-правовая теория Хабермаса, представленная в его работе "Фактичность и значимость", находится на стыке социологии и философии права. Хабермаса отличает междисциплинарный подход к анализу правовых институтов, причем для него характерна ориентация на теоретический синтез различных направлений социологии и философии. В исследованиях демократического правового государства Хабермас "продолжил развивать социологический аспект своей теории" [23, с. 448]. Оба автора стремились к созданию новой версии критической социальной теории, преодолевающей односторонность функционализма и радикальных версий критической теории. При этом Хабермаса и Александера отличает понимание критической теории как оппонирующей социальной мысли, вдохновленной утопическим ориентиром, существование которого, в свою очередь, обеспечивает стандарт нормативного должностования, в принципе никогда не сводимое к эмпирически наличному [15, с. 3 - 6].

Продолжая дюркгеймовскую традицию, Хабермас и Александер выделяют моральные основания правового порядка, подчеркивают культурную обусловленность правовых норм. Однако Александер не разделяет точки зрения Хабермаса, согласно которой легитимность правовых норм может быть обеспечена лишь демократическими процедурами. С точки зрения Александера, легитимность правовых норм может быть обеспечена настолько, насколько в праве выражены универсалистские гражданские ценности, принципы справедливости и равенства. Хабермас и Александер разделяют понимание права как важнейшего регулятивного механизма, который воздействует на все сферы общественной жизни. Однако в отличие от Александера, Хабермас осознает опасность колонизации права императивами политической и экономической подсистем несмотря на то, что современное право является компонентом нашего мира и, таким образом, всегда может быть нормативно обосновано.

Концепция Александера может быть сопоставлена с социологической теорией права Н. Лумана [25]. Оба ученых опирались на функционалистскую традицию, хотя и развивали ее в совершенно разных направлениях. Важнейшее отличие в их подходах заключается в том, что Луман, используя концепты других наук, создает социологическую теорию права в виде аутопойетической системы, скорее демонстративно подчеркивает разрыв с классическими традициями в социологии. Александер, подчеркивая укорененность в социологической традиции, создает концепцию гражданской сферы, опираясь как на социальную теорию, так и на нормативную философию. В работах Лумана анализ правовой системы занимает одно из центральных мест, причем немецкий социолог прежде всего стремится обосновать автономию правовой подсистемы по отношению к другим подсистемам общества. Александер рассматривает в первую очередь взаимодействие правовых институтов и гражданской сферы, подчеркивая их взаимовлияние и взаимопроникновение. Американский социолог выделяет гражданскую моральность в качестве основания правового порядка. Луман же расценивает современное право как полностью свободное от какого-либо влияния моральных норм и следующее исключительно собственной внутренней логике.

Ярким представителем критического подхода в западной социологии последней четверти XX в. и создателем одного из основных теоретических направлений в современной социологии права, считается П. Бурдьё. В отличие от Александера, Бурдьё предложил иной социологический подход к изучению права [26]. Французский социолог анализирует формирование юридического поля в широком социальном контексте и прослеживает процесс его исторического развития. Концепция Бурдьё позволяет проанализировать взаимодействие между группами, обладающими различными интересами и ресурсами в рамках правовой сферы. Французский социолог рассматривает также воздействие на юридическое поле других полей, прежде всего экономики и политики, демонстрируя ограниченный характер автономии юридического поля. Концепции Лумана, Хабермаса, Александера ориентировались главным образом на анализ западных обществ, для которых характерна высокая степень функциональ-

ной дифференциации политической и правовой подсистем. Концепцию юридического поля Бурдые можно использовать для изучения правовых институтов в условиях различных политических режимов. Данная концепция применима для исследования процессов трансформации юридического поля в советском и современном российском обществе [27]. По сравнению с подходом Александра, концепция Бурдые обладает большим потенциалом при проведении эмпирических исследований правовой сферы с позиций социологии.

В современной западной социологии права наряду с системным подходом существуют и различные версии критической социальной теории. Концепция Александра находится между неофункционализмом и радикальными версиями критической теории в современной социологии права, представленными М. Фуко и П. Бурдые [см. 18]. Тем не менее этот социолог продолжает разработку своей концепции гражданской сферы и можно предположить, что влияние его идей на социально-правовые исследования будет возрастать. Во всяком случае, дискуссии, развернувшиеся вокруг концепции гражданской сферы, непременно окажут стимулирующее воздействие на дальнейшее развитие социологии права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baumgartner M. The sociology of law in the United States//The American Sociologist. 2001. Vol. 32. N 2.
2. Дефлем М. Социологическая юриспруденция и социология права // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 3 (N 50).
3. Deflem M. Sociology of law: Visions of a scholarly tradition. Cambridge, 2008.
4. Trevino A. Introduction // Talcott Parsons on law and the legal system. Newcastle, 2008.
5. Cotterrell R. The sociology of law: An introduction. 2nd edition. L, 1992.
6. Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.
7. Александр Дж., Коломи П. Неофункционализм сегодня: восстанавливая теоретическую традицию // Социол. исслед. 1992. N 10.
8. Alexander J. Performing Cultural Sociology. A conversation with Jeffrey Alexander / Interviewed by R. Cordero, F. Carballo, J. Ossandon // European Journal of Social Theory. 2008. Vol. 11. N 4.
9. Николаев В. Г. Неопарсонизм в 80-е годы XX века: Дж. Александр (продолжение) // Личность. Культура. Общество. 2006. Вып. 4 (32).
10. Alexander J. The long and winding road: civil repair of intimate injustice // Sociological Theory. 2001. Vol. 19. N 3.
11. Александр Дж. После неофункционализма: деятельность, культура и гражданское общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М., 1998.
12. Alexander J. Theorizing the "modes of incorporation": Assimilation, hyphenation and multiculturalism as varieties of civil participation // Sociological Theory. 2001. Vol. 19. N 3.
13. Александр Дж. Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. 2007. Том 6. N 1.
14. Alexander J. The civil sphere. Oxford, 2006.
15. Александр Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // Социол. исслед. 2002. N 10.
16. Sciortino J. Bringing solidarity back in. Review essay // European Journal of Social Theory. 2007. Vol. 10. N 4.
17. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерки социологии. М., 1998.
18. Масловская Е. В. Традиции "критической теории" в современной западной социологии права // Социол. исслед. 2009. N 7.
19. Dworkin R. Law's empire. L, 1986.
20. Фуллер Л. Мораль права. М., 2007.
21. Turner B. Civility, civil sphere, and citizenship: solidarity versus the enclave society // Citizenship Studies. 2008. Vol. 12. N 2.
22. Alexander J. "Globalization" as collective representation: the new dream of a cosmopolitan civil sphere // Frontiers of globalization. Theoretical and methodological approaches // Ed. by I. Rossi. N.Y., 2007.
23. Хоннет А. Юрген Хабермас// Немецкая социология / Отв. ред. Р. П. Шпакова. СПб., 2003.
24. Luhmann N. Law as social system. Oxford, 2004.
25. Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля // П. Бурдые. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005.
26. Масловская Е. В. Трансформации юридического поля в СССР и постсоветской России // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9. Вып. 2(36).